

Теодор Лондон,
заслуженный артист РСФСР

Наш кочевой театр и актриса Бажанова

1
1931 год. В городе Горьком строится автомобильный завод, первый гигант первой пятилетки. Одновременно с началом этого строительства открывается фабрично-заводское училище, кузница кадров для будущего предприятия. Мы идем учиться на слесарей, токарей, лекальщиков. Будем участвовать в строительстве, а затем трудиться на заводе. А чуть позже организуем здесь театр рабочей молодежи.

Мы жили в фанерном бараке. Его продувало злым осенним ветром. С питанием тоже было плоховато. Организовали производственно-трудовую коммуну. Был выработан устав жизни и быта. Мысли и стремления каждого члена коллектива оформились общей идеей — «Ударно работать на стройке и строить советский театр». Этот лозунг, написанный крупными красными буквами, был вывешен в бараке.

Тысячи комсомольцев из разных концов страны приехали на площадку автозавода и были ударниками на всех участках строительства. Трамвайчики были среди них. Рано утром мы выбегали из барака и строем, с песнями шагали туда, где должна была возникнуть электроцентраль. Получали лопаты, брезентовые голыши и рыли котлованы для будущего сердца завода. А в перерывах, здесь же, среди свежих траншей, устраивали концерты — играли скетчи, пели частушки на злобу дня, разбрасывали листовки-агитки, сочиненные самодельными поэтами и отпечатанные в типографии газеты «Автогигант».

В 1932 году состоялся торжественный пуск Горьковского автозавода. Мы — слесари и токари — начали работать в цехах завода, а вечерами репетировали наши первые спектакли.

Самодельный коллектив постепенно про-

фессионализировался. Прошел год. По призыву партии наш коллектив реорганизуется в Горьковский областной колхозный театр. В марте 1934 года мы выехали на обслуживание тружеников села. В любую погоду, на машинах, лошадях, а нередко и пешком добираются молодые артисты до своих новых зрителей — колхозников.

Так начиналась жизнь. Она могла сложиться по-разному. Она сложилась счастливо. Кто-то хорошо позаботился о нас, мальчишках древнего волжского города, — вовремя послал нам добрых друзей, умных и требовательных учителей.

В первую же поездку в колхозы нам стало известно, что Московский театр имени Евг. Вахтангова взял шефство над театрами Горьковской области. Нам выпала удача учиться у таких мастеров-вахтанговцев, как заслуженный артист РСФСР В. В. Куза, народная артистка РСФСР Е. Г. Алексеева, народная артистка РСФСР М. Д. Синельникова, народный артист РСФСР Л. М. Шихматов, актриса К. И. Ясюнинская. Несколько лет успешно руководил театром драматург и режиссер В. З. Масс. Но главными нашими учителями, постоянными наставниками в течение многих лет стали режиссер Театра имени Евг. Вахтангова поэт Павел Григорьевич Антокольский и актриса театра, педагог Училища имени Б. В. Щукина Зоя Константиновна Бажанова.

2

Лето 1934 года. Маленький районный городок Горьковской области. Первая встреча. Мы трепетали. Ничего еще не успевшие почитать, прочитавшие мало книг — зеленые, необученные артисты... И вот к нам едут москвичи, ученики легендарного Вахтангова — режиссер и поэт, актриса и педагог. Первые мгновения встречи на неказистом Сергачском вокзале насторожили. Мы ждали столичных деятелей прославленного театра, они должны были выглядеть, по нашим соображениям, солидно, основательно. А из вагона вышла худенькая, маленькая женщина, почти девочка, в клетчатом пальтишке, в черном беретике, с белокурой челкой — Зоя Константиновна Бажанова. За ней двигалось уж совсем непонятное существо в платочке, завязанном по-деревенски, с кошелками в руках — мы приняли ее за местную жительницу, попутчицу. И последним появился в дверях вагона небольшого роста мужчина, тоже одетый далеко не эффектно, с двумя чемоданами, черные, живые глаза неизвестно кому лукаво подмигивали. Единственное, что как-то обнадеживало, — это роскошная, причудливой формы трубка в зубах у этого

обычного мужчины. Из трубки шел головокружительный, столичный аромат табака «Золотое руно».

Как выяснилось в первые же минуты, молодое существо в платочке оказалось домашней работницей приехавших к нам вахтанговцев. Это насторожило нас с социальной точки зрения: «Наемная рабочая сила. Буржуазские замашки...» Как мы смеялись потом сами над собой, вспоминая эту ультракомсомольскую настороженность!

С первых же дней работы, ежедневного, многочасового рабочего и человеческого общения мы начали понимать, что судьба послала нам удивительных людей, неутомимых тружеников, талантливых и скромных, с органической потребностью принести пользу.

Потом, когда мы познакомимся поближе, неоднократно побываем и заночуем в знаменитом доме Антокольских, что на улице Щукина, мы поймем это основательно и не устанем удивляться фантастической доброжелательности хозяев.

Зоя Константиновна — главнокомандующий этого дома, его хозяйка и его душа. Жена большого поэта, актриса одного из лучших театров страны, член месткома, педагог Училища этого театра... А Варя, домашняя работница, пришедшая в семью молодой девушкой, — помощница Зои Константиновны по хозяйственным делам. Без Вари немисливо было бы наладить быт: все время Зои Константиновны, вся ее жизнь отданы людям.

Город Сергач явился началом нашей большой творческой и человеческой дружбы. Работа началась сразу же, с места в карьер. Едва отдохнув после немалой дороги, Зоя Константиновна и Павел Григорьевич усадили нас всех перед своими очами, выяснили наши имена и фамилии, назвали себя. «Ну что ж, с богом — начнем!» — сказал Павел Григорьевич и прочитал нам пьесу В. Катаева «Время, вперед!», только что написанную автором по одноименному роману.

Мы слушали, разинув рты. И язык пьесы, и характеры, и то, как пьеса читалась Павлом Григорьевичем — напористо и страстно, — все было необычно, обжигающе интересно.

Работать! Работать сегодня же! Сегодня нельзя. Не расписаны роли. Весь остаток дня, почти до рассвета переписывались роли, и начался наш труд, вернее — наш праздник!

Пьеса «Время, вперед!» — страстная повесть о строителях Магнитки. И атмосфера пьесы и ее герои понятны и близки молодым артистам. События пьесы очень напоминают их недавнюю жизнь и работу на

Горьковском автозаводе. Кажется, дело за малым — выучи только текст и все сыграешь! Но это только кажется. Кажется потому, что за плечами только две-три роли, срететированных под руководством случайных режиссеров.

Первые же репетиции под руководством Антокольского и Бажановой явились для нас настоящим откровением.

Павел Григорьевич со своей неуемной фантазией и не знающим усталости темпераментом разрыхлял целину пьесы, ставил перед молодыми актерами задачи, удивлял неожиданными поворотами, сценическими ходами, а Зоя Константиновна, как мудрый «прораб», с удивительным педагогическим тактом и терпением осуществляла талантливые чертежи постановщика-строителя, одержимо трудилась с артистами, до-

Зоя
Константиновна
Бажанова,
1938

бываясь органического поведения действующих лиц.

— Сережа, ты играешь чувство, надо действовать! — Юленька, какая здесь главная мысль? Давай вспомним... — Мысль, мысль, — основная пружина действия! — Умей себя сдерживать. Темперамент без самоконтроля — истерика!

И так с каждым из нас, в часы репетиций и сверх репетиций...

Наши режиссеры винкали не только в наши творческие возможности. Их интересовало все: что мы читаем и что не читаем, семейное положение, здоровье, что мы ели сегодня, хватает ли денег?

Житье было сложное. Зарплата небольшая, да и та выплачивалась неаккуратно. Все это не могло укрыться от внимательного взгляда Зои Константиновны. Она наступала на директора:

— Михаил Клементьевич, если ребята будут ходить голодные, я позвоню в Горький, сообщу в Москву!

И директор добывал, неизвестно где, необходимый минимум финансов.

Бывало и так: Зоя Константиновна высматривала самых отошавших артистов и тащила к себе обедать...

Месяц работы промчался, как один день. Мы потом долго его именовали «месяцем открытых сердец»!

Настал день премьеры. Играли ее в сыром, холодном клубе, где прежде был пивоваренный завод купца Иголкина. Весьма примитивное освещение. Но мы, исполнители рождающегося спектакля, не замечаем неудобств. Мы ждем открытия занавеса и трепещем. Зоя Константиновна обходит каждого, дает последние указания. Как она волнуется за нас! Зал переполнен. На премьеру съехалось много гостей из Горького и из Москвы.

Открылся занавес... Месяц жаркого, радостного труда не прошел бесследно. От сцены к сцене растет доверие и интерес к молодым артистам.

А молодые артисты, полные благодарности к своим учителям, работают беззаветно: отдаются «предложенным обстоятельствам» с таким жаром, как будто от успеха или неуспеха сегодняшнего спектакля зависит не только их будущее, но и сама жизнь! Зрительный зал заражен этим накалом высокого напряжения, неоднократные аплодисменты среди действия, а в конце спектакля дружная овация. Счастливые артисты выволакивают на сцену главных виновников торжества, обнимают и целуют при всем честном народе Павла Григорьевича и Зою Константиновну. Занавес открывается много раз. Это не забудется никогда. Впереди — огромное количество ярких встреч.

Будет много и радостей и огорчений. Но эта первая встреча, как первая любовь, — самая памятная, самая дорогая! На другой день после премьеры с песнями и цветами провожаем Антокольских в Москву.

Зоя Константиновна в сотый раз повторяет: — Берегите себя! Приезжайте в Москву! Побольше читайте Пушкина, Лермонтова, Толстого!..

Растревоженные молодые люди молча кивают головами. Девчата, с платочками в руках, пытаются улыбнуться... Поезд тронулся, но провожающие не расходятся. Вот и последний вагон скрылся из вида — никто не двигается с места; было ли все это? Может — приснилось?

Через тридцать пять лет в поэме Павла Антокольского «Зоя Бажанова» я прочел такие строки:

*День придет. Мы в Горький приедем,
В Арзамас, Сергач, Городец,
Всем, что знаем, — не тем, так этим —
Взбудоражим двадцать сердец.
Это будут славные парни,
Благонравны, как на подбор,
И талантливо благодарны,
Что нужде глядели в упор.
Суждено в театре веселом
Им узнать и славу и труд,
Их маршрут по колхозным селам
Будет ярост, долог и крут,
Да и в жизни скажетс я нашей
Ранней молодости возврат, —
Долгосрочный постриг монашій
И гражданственность без наград.*

3

Забота о жизни и творчестве молодых артистов города Горького стала еще одним неотложным делом Зои Константиновны.

Вот что она написала в областную партийную газету после Сергача:

«Много лет работая в театре имени Вахтангова, я немало видела молодых коллективов, театральных школ. Такого коллектива, который объединен в Горьковском колхозном театре, мне видеть не приходилось. Этот коллектив носит в себе зачатки первоклассного советского театра. В чем его сила? Большинство членов коллектива одарены как актеры. Все они сознательные бойцы за советскую культуру, у них огромная работоспособность и жажда знаний, наконец, они прекрасно сплочены. Для того, чтобы вырасти в настоящий, большой театр, они нуждаются в помощи — постоянной, блдательной, хорошо организованной, чуткой. В специально театральной области эту помощь дает Вахтанговский театр, но кроме этого им нужна общеобразователь-

ная помощь, нужно много хороших книг, нужна возможность расширить свой кругозор. Все это надо обеспечить им по возможности срочно. В колхозе они не только «зрелище», не только актеры, но и прямые проводники культурной революции. Только в нашей стране мог родиться такой коллектив. Мы можем и должны сделать все, чтобы он вырос и окреп».

Слова у Зои Константиновны никогда не расходились с делом. Мы это немедленно ощутили. Вот ее первое письмо в адрес коллектива:

«Дорогие товарищи и друзья!

Напоминаю, что если приведете в Москву, троих можем приютить. Итак, жильем, питанием, театром и книгами будете обеспечены — приезжайте. Третьего дня к нам пришла ваша бывшая актриса Насокина. С ней произошло маленькое несчастье: по-

ходите зря драгоценных сил. Вслед этому письму высылаем вам книги Пушкина и Некрасова. Ждем вестей. Обнимаем вас всех и целуем».

4

В этом же 1934 году, в ноябре месяце, мы снова встретились с Зоей Константиновной. Село Ягубовка Бутурлинского района Горьковской области. Нам предстояло жить и работать в этом селе не менее полутора месяцев. За это время мы должны обслужить изрядное количество деревень района и подготовить новый спектакль — «Поднятая целина» по роману М. Шолохова. Село стоит на отшибе, от железной дороги больше тридцати километров. А зима выдалась суровая, с метелями и снежными за-

Актеры на первомайской демонстрации. Сергач, 1934

пробовала поступить в наш театр, и увя! Ничего не вышло. Бедная девушка пришла в полном расстройстве и не знает, как ей быть. Мы с Павлом Григорьевичем советуем ей возвращаться к вам. Если она вам нужна и если вы ее примете обратно, то дайте мне слово не упоминать и не острить относительно ее неудачной поездки в Москву. Напишите ей ласковое письмо и по-товарищески верните ее в свою среду. Непременно держите нас в курсе своих маршрутов. Долго ли вам еще предстоит быть в Сергачском районе? Берегите себя, не рас-

носам. Мы добирались до села на крестьянских розвальнях. Девушек завернули в тулупы, а парни то и дело выскакивали из саней и согревались перебежками... Пожилые колхозники нам потом рассказывали:

— Когда узнали, что к нам артисты из Горького должны приехать, никто не поверил. В этакую-то глухомань! Нашего колхоза поди и на карте нету.

Павел Григорьевич был занят в Москве неотложными делами. Еще в Горьком мы получили известие, что приедет к нам одна

Зоя Константиновна. Выдержит ли такой путь тоненькая, нежная женщина, привыкшая к удобствам и уюту московской квартиры? Надо ее предупредить, рассказать о сложной дороге. Звоним в Москву. Рассказываем, предупреждаем.

— Я еду! — слышится в трубке мягкий, но решительный голос.

Весть разнеслась по всему селу: «Главная артистка едет! Москвичка!»

Через несколько дней мы встречали нашу москвичку. Около клуба собралась большая толпа. От дороги в клуб проложена домотканная дорожка. Метет метель. Вздесущие мальчишки как герольды бегут по занесенной снегом дороге к клубу:

— Едут! Едут!

Приближаются два возка-кошевки, ни дать, ни взять — поезд пушкинской поры! В одном возке представитель колхоза и директор театра М. К. Ложкин, в другом — Зоя Константиновна.

Зою Константиновну сразу и не разглядишь, она закутана в огромный меховой тулуп. Объятия, объятия, счастливые возгласы! И снова завертелась жаркая работа. Утром — репетиции, вечером выезды на спектакли.

Артисты-комсомольцы кроме своей основной работы заняты и общественными делами — помогают самодеятельности, бичуют дезорганизаторов колхозной жизни, случается, что и тушат пожары... Зоя Константиновна принимает участие во всех делах и затеях коллектива.

Однажды в одном из колхозов после спектакля мы демонстрировали нашу газету «Молния». Через эпиднаскоп показываем карикатуры, читаем под аккомпанемент баяна хлесткие эпиграммы в адрес злостных нарушителей колхозной жизни... И вдруг, покрывая хохот переполненного зала, раздается многоэтажная ругань и откровенная угроза:

— Был бы нож, сейчас бы всадил!

Стало очень тихо. Зрительный зал замер. Зоя Константиновна стоит рядом с нами. Нам видно ее лицо, освещенное лучом волшебного фонаря. Такой мы ее еще не видели...

— Это прекрасно. Продолжайте, ребята!.. — произносит она едва слышно.

Мы продолжаем. Заканчиваем нашу «Молнию», но зрители не расходятся.

— Еще! Еще!

Что делать? Программа вечера исчерпана, но все мы чувствуем, что сегодня должно еще что-то произойти...

— Я прочту им Вагрицкого! — говорит Зоя Константиновна.

Кто-то объявляет:

— Сейчас выступит актриса Московского театра имени Вахтангова!

Дружные аплодисменты. Зоя Константиновна, наскоро приведя себя в порядок, выходит на сцену. Ждет, когда настанет полная тишина. Мы все сгрудились за кулисами. Это был необыкновенный сюрризм не только для наших зрителей, для нас тоже. Мы первый раз видели и слышали актрису Бажанову...

*Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?*

Тихо прозвучали первые строки поэмы. Зоя Константиновна постепенно собирается с силами. Еще бы! Она была сейчас не просто московской актрисой, она была сейчас бойцом, агитатором!

*Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро,
Я ли не копила,
Ночи не спала...*

С каждой новой строкой растет внимание слушателей. На их глазах совершается чудо искусства. Молодая, стройная, белокурая женщина превращается в затурканную мещанку, несчастную мать, трепещущую над кроватью умирающей дочери-пионерки. Схлестнулись в непримиримой схватке два мира: старый и новый. Юность решительно отворачивается от соблазнов частной собственности. Смысл жизни юных — радость и благополучие всех людей. В этом их счастье и их бессмертие.

*Пусть звучат постылые,
Скучные слова —
Не погибла молодость,
Молодость жива!*

И снова великий акт перевоплощения — голос актрисы наливается звонкими нотами неутомимой комсомольской души:

*Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас...*

Руки Зои Константиновны сжаты в кулаки, вся ее фигура выражает непреклонную готовность к бою: «Где ты там, недобиток кулацкий, выходи!»

Тридцать семь лет прошло с того вечера, но до сих пор память хранит до мельчайших подробностей этот удивительный урок

актерского мастерства, круто замешанного на гражданском темпераменте!

А на другой день очередная репетиция «Поднятой целины». С новой силой разгорается спор вокруг образа Якова Лукича Островнова: куда придет Островнов? Какую позицию должен занять по отношению к нему Давыдов?

Инсценировка «Поднятой целины» была сделана по первой книге романа. Вторая книга была еще за горами.

— Я считаю, что мы должны сегодня показать Якова Лукича просто вековым собственником, который под давлением Полосцева вредит колхозу, но, при умелом руководстве Давыдова, может стать честным колхозным специалистом!

— Ты что же, проповедуешь вразнание кулака в социализм?

Акценты в спектакле должны быть ясными и точными. Островнов — кулак! Борьба колхозного хутора Гремячий Лог с Половцевым и Островновым очень напоминает то, что происходит на ваших глазах — враг не сдастся! Пусть в нашем спектакле гремячцы не до конца разоблачат Островнова, но зритель, уходящий со спектакля, задумается: «Островнов-то заноза! Глядит овечкой, а ходит по-волчьи! Может быть, и у нас есть кулацкие оборотни? Надо зорче поглядывать кругом!»

Вспомните Маяковского:

*Не тебсья, товарищ, мирными днями,
Сдавай добродушие в брак...*

(Зоя Константиновна страстно размахивает кулачком, чеканя ясные, яростные строки поэта.)

— Вы еще не однажды убедитесь в право-

Актеры
среди
зрителей.
Сергач,
июнь
1934

Просит слова исполнитель роли Островнова:

— Ребята! Так же нельзя, надо на чем-то остановиться. Кого же я должен играть? Однолинейного вредителя или вразнание в социализм?

Поднимается Зоя Константиновна:

— Товарищи! Вы вспомните вчерашний вечер. Кому вы не угодили? Кто вам грозил? Вспомните пожары, которые вы тушили — кто поджигал амбары, конюшни, клубы? Вы свидетели и участники непримиримой классовой борьбы. Враг многолик и хитер.

те этих слов! — заканчивает она свой горячий монолог.

В скором времени мы в этом убедились: в одном из колхозов выстрелом из обреза был убит председатель. Он сидел у окна и читал «Поднятую целину». Так и упал лицом на раскрытую книгу, казалось, уснул, склонившись над романом.

5

Репетиции, репетиции — и по плану и сверх плана. Зоя Константиновна воюет с ак-

терскими штампами, подбрасывает новые краски, ищет необычную мелодию речи довских казаков, с каждой новой репетицией усложняет задачу.

По сравнению со спектаклем «Время, вперед!» работа над сценическим воплощением романа Шолохова была неизмеримо сложнее. Тут нужно было преодолеть барьер возраста, осваивать яркие, земные характеры жителей Гремячего Лога.

Зоя Константиновна не знает устали, не замечает времени.

— Бажанову к телефону, Москва!

Телефон образца николаевского времени в комнате заведущего клубом. Комната прилькает к зрительному залу. Связь с Москвой скверная, надо кричать. Мы слышим весь разговор Зои Константиновны. Там, за сотни километров, у аппарата Павел Григорьевич.

— Все в порядке, Павлик, я здорова. Ребята молодцы, очень хорошо работают! Как ты тебя чувствуешь? Одевайся теплее. Не забывай кутать шею. Все хорошо. Кончаем второй акт. Да, да, завтра — все подробно... Удивительно интересно! Что дома? Как Варя? Что в театре? Как мои студенты? Передай им большой привет! Непременно навести Вавочку и Машу. Что?! Это точно?! Ребята, товарищи, идите все сюда! Мы подбегаем. У Зои Константиновны счастливое лицо:

— Товарищи, вы все в новом году целый месяц будете в Москве! Вопрос уже решен! Мы что-то кричим, обнимаемся.

— Тише, ребята, я ничего не слышу! Что? Передать трубку?

Трубка достается самому проворному. Павел Григорьевич повторяет ошеломляющую новость: «Да, целый месяц в Москве, будем готовить «Недоросль»! Рассказывает еще много интересных подробностей и в заключение:

— Всем привет, всех целую. Берегите Зою! Изба, в которой поселилась Зоя Константиновна, — на другом конце села. Мы обошли все дома в поисках лучшего варианта. Эта изба оказалась самой теплой и самой чистой.

К концу вечерних репетиций к клубу подъезжает добрая коняга, запряженная в уютную кошевку. На дне кошевки сено, тулуп. Зоя Константиновна всякий раз решительно отказывается от этого шика:

— Нет-нет, только пешком!

И мы всей артелью идем ее провожать. Она гонит нас — достаточно двух-трех провожатых! Напрасно. Никто не уходит.

Мы идем по середине широкой улицы. По обе стороны домишки, занесенные снегом: в окнах темень, все давно спяте. Тишина. Отчетливо слышно, как скрипит снег под ногами.

Где-то лают собаки. Не волки ли? Они в эту лютую зиму осмелели, забредают в село. Ярко светит луна. Кто-то затевает разговор о прошедшей репетиции...

— Нет, нет, о чем угодно, только не о «Целине» — завтра, завтра!

Кто-то затянул песню.

— Женя, перестань, береги связки!

Но разве умолчишь? Вопросы, вопросы... О жизни. О Вахтангове. О поэзии. Зоя Константиновна увлекается разговором. Интересно рассказывает. Вот и дом. В окнах свет, хозяева ждут свою квартирантку. Мы прощаемся, идем обратно. На ходу несколько раз оборачиваемся — в окне свет. Снова цитирую стихи П. Антокольского:

Где-то в колхозе ребята

Тебя провожают вдоль ветел и прясел.

Им тоже ты снишься!

6

Спектакль «Поднятая целина» был сработан на совесть. Молодые актеры заметно выросли в этой работе. Спектакль пользовался большим успехом. Он много лет игрался в колхозах. Был показан в Горьком, а потом и в Москве. О нем много писали. А Зоя Константиновна верна себе. Приехав из Ягубовки в Москву, она пишет коллективу:

«Милые товарищи!

Я знаю, что Михаил Клементьевич ездил в Горький и привез вам теплую одежду — какая она? Действительно ли теплая и хорошая? Как обстоят дела с вызовом вас на Горьковский краевой съезд Советов? Как получите вызов, сейчас же телеграфируйте, мы с Павлом Григорьевичем приедем непременно. (Слово «непременно» подчеркнуто. — Т. Л.) Выписки из ваших писем украшают стенгазету нашего театра, и я от многих слышала о них самые лестные отзывы. Пока я была с вами в колхозе, меня запрягли в местком, сейчас работаю в культурном секторе. Василий Васильевич Куза мне подтвердил, что московская база у вас непременно будет.

Да, дорогие товарищи, кстати, о Кузе — теперь настало время вас как следует выругать! Что же, вы думаете, это очень вежливо, тактично и политично, что вы до сих пор не удосужились написать ему даже самой короткой записки?

...Сейчас у меня ангина, как поправлюсь, пойду на «Поднятую целину» к Симонову и тогда все вам напишу о его спектакле. К своей же «Целине» будьте очень бережны. Это не очень доработанный спектакль, но в нем заложен ряд очень хороших вещей и доработать его в ваших возможно-

стях и в ваших интересах. Дорогие товарищи, проработав с вами месяц в колхозе, я вижу, как вам трудно живется, и я очень прошу подробно писать не только о ваших достижениях, но и о всех печалях и сомнениях, а их, наверное, у вас немало. Как дела с баянистом? Хорошо бы было вам найти баяниста помоложе. Как ваш новый администратор? Ну, оставляю место Павлу Григорьевичу. Целую вас всех.

Р. С. Как играет Клера во «Времени, вперед!»?

Как здоровье тети Катинного Сережи?»

Коллектив молодого театра пять полных лет обслуживал колхозы. Мало осталось мест на карте Горьковского края, где не побывали артисты-комсомольцы.

Дружба с Зоей Константиновной и Павлом Григорьевичем росла и крепла с каждым годом. Куда бы нас ни закинула судьба,

сы» И. Луковского, «Беспокойная старость» Л. Рахманова.

На Всесоюзном смотре колхозных театров в Москве питомцы Павла Григорьевича и Зои Константиновны завоевали первое место, много премий, большую прессу.

В 1939 году коллектив театра за отличную работу получил звание Горьковского городского театра и имя В. П. Чкалова.

Базой театра была наша родина — автозавод. Там были поставлены: «Женитьба Фигаро» Бомарше, «История одной любви» К. Симонова, «Двадцать лет спустя» М. Светлова. От спектакля к спектаклю росло мастерство молодых актеров. Работалось дружно и весело. Зоя Константиновна и Павел Григорьевич отдавали своим ученикам всю силу своего дарования, весь свой душевный багаж. Ученики не оставались в долгу.

Фронтовой театр
в составе
у летчиков,
1942

наши друзья-учителя были с нами. В годы работы в колхозах они были с нами и в Арзамасе, и в Семенове, и в Кулебаках, и в Выксе... Под их руководством были созданы отличные, яркие спектакли: «Шел солдат с фронта» В. Катаева, «Русские матро-

7

Началась война. Театр автозаводцев стал фронтовым театром. И снова вместе со своими учениками Павел Григорьевич и Зоя Константиновна...

Однажды в зимний день или ввечеру
 Актёры-горьковчане к нам явились
 И приняли, как брата и сестру,
 На пятитонку, на попутный виллис:
 Нам многое увидеть довелось...
 Ты видела дела фашистских рук,
 Уничтоженьё по штабному плану —
 В следах разгрома бедный Бежин Луг,
 В слезах ожогов Ясную Поляну...
 Узнала летчиков, их бивуак,
 Короткий сон, короткий сбор на гибель,
 Безжизненную точность в их словах
 И точный счёт — кто налицо, кто выбыл...
 (Из поэмы П. Антокольского «Зоя Бажанова»)

Зима 1942 года. Наш фронтный театр приехал к летчикам. Командование авиационной части позаботилось привезти нас задолго до начала представления: «Пообедаете, гости дорогие, отдохнете, а потом и за работу».

Мы привезли летчикам нашу премьеру: «Валерий Чкалов» — драматическую поэму, написанную специально для нашего театра Павлом Григорьевичем Антокольским и, разумеется, поставленную автором совместно с Зоей Константиновной Бажановой.

Сидим в столовой летчиков. Вдруг недалекие взрывы. Трясутся стены, дребезжат стекла. Выбегаем на воздух. Торопливо проносятся бойцы аэродрома. Взрывы все ближе и ближе. Сопровождающий нас офицер командует:

— Товарищи артисты, немедленно в убежище!

Был полдень. Под прикрытием низких облаков вражеские самолеты — истребители и бомбардировщики — прорвались к аэродрому. Впервые мы видели их так близко. Это было нашим боевым крещением. Мы видели, как падают бомбы, а потом взрываются в небо столбы огня и земли. Растерявшись, мы, вместо того чтобы бежать навстречу летящим самолетам, бежали от них, проваливаясь по грудь в сугробы.

— В убежище! В убежище! Сюда-а!
 Это кричит Зоя Константиновна. В минуту опасности она оказалась собраннее и сообразительнее всех. С трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, она добирается до каждого, подталкивает:

— Скорей! Владимир Захарыч, Павлик, Сережа, Панна, Женя... Вот укрытие, скорей сюда!

Зоя Константиновна... «Зоя, Зюечка, ангел-хранитель, сестра милосердная» — величали ее все, кто ее знал. Помочь, заступиться за слабого, заслонить от беды, преградить дорогу злу — это было ее призванием, ес-

тественной потребностью, воздухом ее жизни.

Я не идеализирую. Все, кто знал Зою Константиновну, согласится со мной: она была талантливая актрисой, еще более талантливым педагогом, незаурядным художником, но прежде всего она была настоящим человеком. Человеком редкой душевной щедрости с безошибочным чутьем на правду, с испепеляющей ненавистью ко всяческой лжи.

Ученики Зои Константиновны Бажановой по Театральному училищу имени Б. В. Шуккина сейчас успешно работают и в кино и в театре. Среди них — Т. Самойлова, В. Лановой, Р. Быков, О. Стриженов, В. Шалевич, Г. Дуни.

Не ошиблась она и в своих учениках из горьковского театра. Большинство из них занимает ведущее положение в театрах страны, есть среди нас заслуженные артисты, заслуженный художник, заслуженный деятель искусств, народный артист РСФСР, Н. Куличенко работает в Саратове, М. Кузнецов — в Ставрополе, М. Стряпкина и Г. Иванов — в Русском драматическом театре г. Фрунзе, Н. Цурбаков — в Гомеле, Т. Клюева — в Астрахани, Б. Малышев — в Днепрпетровске, Е. Прыгунова — в Кировограде, С. Постников — главный художник новосибирского театра «Красный факел», Б. Карпов — главный режиссер студии телевидения в Саранске, М. Ложкин (наш директор) — директор московского «Цирка на льду», И. Шароградский — режиссер и директор Горьковского театра комедии, В. Кузнецов преподает актерское мастерство в Петрозаводском институте культуры, П. Аверичева, игравшая в Томске и в Астрахани, — на пенсии, К. Насокина — руководитель драмколлектива Дома ученых в Горьком, В. Евстратова — руководитель художественной самодеятельности на Горьковском автозаводе.

Нет уже среди нас Павла Андреевича Тарасова, работавшего последние годы жизни начальником Управления драматических театров Министерства культуры СССР, хороших актеров Юлии Ивановны Жилиной, Евгения Николаевича Островского и Аркадия Леонидовича Брусина. Не стало и Зои Константиновны Бажановой, память о которой хранят ее ученики, ее друзья, все, кто хоть раз встретился с этим замечательным, талантливым человеком, щедро отдававшим свои знания, свое сердце, всю свою жизнь искусству, театру, людям.

Ногинск